

УДК 130.122

«РАБОТА НАД МИФОМ». УРОВЕНЬ – СЕМЬЯ¹

А.Г. Иванов

Липецкий филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ», г. Липецк

DOI: 10.26456/vtphilos/2021.2.058

Оценивается применимость взаимосвязанного (ситуационного) подхода к мифу в отношении интерпретации нарративов о семейной памяти. Повседневная мифология семейной памяти понимается как особое пространство актуализации социальной мифологии, включающее преломление автобиографической памяти, семейного опыта в сферах повседневности. Отмечается, что в случае с семейными историями «работа над мифом» охватывает все виды бытия мифа – от индивидуального до социального. Для характеристики совокупности постоянно воспроизводимых в семейных рассказах и практиках мифологизированных представлений предлагается использовать термин «семейный мифоландшафт», конфигурация которого специфична для каждой семьи, но содержит устойчивые компоненты.

Ключевые слова: *социальная мифология, повседневность, взаимосвязанный (ситуационный) подход, «работа над мифом», автобиографическая память, семейная память, «семейный мифоландшафт».*

В том, что социальная мифология достаточно ярко проявляет себя на обыденном уровне, в сфере повседневной жизни, мы смогли убедиться при интервьюировании респондентов (серия нарративных интервью, собранных у жителей Липецкой области в течение 2018 г.), которым предлагалось рассказать об истории своей семьи и, в частности, ответить на вопросы о проявлениях мифологического. Основной вопрос, предполагающий развернутый ответ респондента, был таким: можете ли вы рассказать историю вашей семьи, вы можете говорить так долго, как пожелаете, я не буду вас прерывать и останавливать. Уточняющими нарративный импульс вопросами, позволяющими прояснить место и роль мифологизированных аспектов в истории семьи, были следующие: *могли бы вы подробнее рассказать о каких-либо легендах, легендарных историях, чудесах, связанных с вашей семьей и вашим родом* (этот вопрос проверял уровень мифологизации тех или иных семейных знаний; важно было понять насколько эмоционально респондент будет говорить об этом или вообще говорить не будет); *что бы вы могли сказать о*

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта «Социальный миф как фактор конструирования образа будущего России: возможности, границы применения» № 21-011-31064.

наиболее важных и значимых событиях истории вашей семьи; с кем они в большей мере связаны; что бы Вы могли рассказать об этих людях (эти вопросы проверяли особенности интерпретации сакральных и наиболее важных событий, структурирующих семейную память).

Системный подход vs ситуационный подход

Ранее нами был предложен системный подход к изучению социальной мифологии, применимость которого была продемонстрирована на примере политической сферы [5]. Однако данный подход к социальной мифологии имеет свои пределы применения, если, например, речь идет о повседневной мифологии семейной памяти. Объясняется это тем, что работа над мифом может происходить как осознанно, так и на бессознательном уровне. Под термином «работа над мифом» мы понимаем процесс постоянного, с одной стороны, рассказывания, с другой стороны, знакомства с мифом; т. е. совокупность трансляции таких рассказов-пересказов нарративов, разворачивающихся вокруг какой-либо, например, фигуры, события, сюжета.

При обработке результатов вышеупомянутого интервьюирования в центре внимания находилась повседневная мифология семейной памяти как особое измерение социальной мифологии, охватывающее сферы повседневности. В свою очередь, мифология повседневности является одной из частей фундамента, на котором строится социальная мифология. Повседневная мифология – это важная часть, конкретизация социальной мифологии, охватывающая сферы повседневной жизни – быт, труд, досуг. Причем такая конкретизация легче достигается на уровне семьи, когда мифы объективируются в виде семейных рассказов. То есть в каждом варианте проявления мифов (если такое происходило) при интервьюировании респондентов, предлагая им рассказать о семейной истории, мы имели дело с мифологией повседневности.

Системный подход к мифу мог бы быть эффективным, если бы рассказчики, отвечая на вопросы о чудесных событиях и легендах в своих семейных историях, давали бы развернутое изложение фактов, выстраивали бы вокруг событий оформленный сюжет. Это позволяло бы проводить определенную классификацию мифологизированных семейных событий в соответствии со следующими критериями: какая из основных частей социальной мифологии – онтологическая, гносеологическая, аксиологическая или праксиологическая – оказывалась задействованной в большей или меньшей степени; какой мифоконтентный феномен (например, герой или жертва) проявлял себя; какой мифогенный фактор (например, идеология) влиял бы на процессы мифологизации и т. п. Однако лишь незначительная часть ответов содержала воспоминания и рассказы, которые можно было бы отнести к порядку мифологического в соответствии с вышеприведенным подходом.

Но если мы будем учитывать также и так называемый бессознательный уровень (т. е. в данном случае речь идет о спонтанных отсылках к мифологическому, случайных упоминаниях и т.п.), то продуктивным представляется предлагаемый К. Боттичи «взаимосвязанный (ситуационный) подход» («interrelational approach»), в котором акцент делается на трех чертах мифа в контексте так называемой работы над мифом: миф использует образные средства выражения; миф имеет дело со всеми видами контента; миф представляет из себя нарратив [15, р. 114].

Многое здесь также зависит от того, как воспринимают мифы сами рассказчики. Так, в социологии социального мифа есть такой классификационный критерий как «знание/незнание», в соответствии с которым мифы могут быть непроявленными, проявленными (или проявляющимися) и явными [12, с. 84–85, 141]. Так вот, если в работе с явными мифами продуктивным представляется системный подход, то в работе с непроявленными и проявляющимися мифами – взаимосвязанный (ситуационный) подход.

И здесь также необходимо выделить два измерения мифологии: осознаваемую семейную мифологию и творимую (создаваемую) в процессе рассказа семейную мифологию. Если первая включает в себя вполне определенный комплекс семейных мифов, передаваемых из поколения в поколение; и именно в этом значении термин «семейный миф» применялся психологами и психиатрами, работающими с семьями. Так, термин «семейный миф» был предложен испанским психиатром А. Феррейрой, который обозначил его как «определенный защитный механизм для поддержания единства в дисфункциональных семьях» [16]. В коллективной работе «Парадокс и контрпарадокс. Новая модель терапии семьи, вовлеченной в шизофреническое взаимодействие» итальянских психиатров М. Сельвини Палаццоли, Л. Босколо, Д. Чеккина и Д. Праты именно оформленный и передаваемый из поколения в поколение семейный миф рассматривался в качестве одного из факторов неспособности семьи адаптироваться к быстро меняющемуся итальянскому обществу середины XX в. (см. параграф «Ритуал в борьбе с беспощадным мифом») [10].

Семейный нарратив также концептуализируется в виде оформленных мифов при постоянном, длительном ностальгировании. В частности, исследователь В.В. Нуркова, определяя содержание автобиографической памяти, отмечала следующее: «В ностальгии происходит “просветление” реальных фактов прошлого, которое приводит к созданию субъективно убедительного ностальгического мифа о Родине» [7, с. 21]. В этих случаях у человека складывается определенный образ прошлого с внятной сюжетной линией с возникающими мифологемами. Такая сознательная работа над мифом корреспондирует с системным подходом к мифу, в котором мы ясно представляем себе, о каком мифологическом комплексе или фигуре идет речь.

Противоположный взгляд на семейные рассказы как пространство экстерииоризации мифологии заключается в том, что каждый рассказ представляет собой «творимую мифологию», в которой постоянно создаются, пересматриваются, предаются забвению или – чаще – выставляются напоказ наиболее значимые события, возникающие здесь и сейчас образы прошлого. В ходе интервьюирования приходилось иметь дело преимущественно с такого рода нарративами: когда задавались дополнительные вопросы о чудесных и легендарных событиях в истории семьи, у респондентов не находилось развернутого ответа, и они отделялись общими словами, обычно сводящимися к отрицанию таковых историй.

И в этом – втором – случае, предлагаемый К. Боттичи подход вполне работает. Рассказчик истории своей семьи неизбежно оказывается окутанным сетью символов, каждый из которых имеет особое значение для семейной истории, отсылает к семейным тайнам и преданиям. Неявные отсылки к мифу в рассказах происходят спонтанно и принимают абсолютно любые формы – от эмоционально окрашенных фрагментов нарратива до многозначительного молчания, сигнализирующего об отсутствии какого-то важного элемента цепи событий (и это – еще одно подтверждение незавершенности и несформированности, и, в конечном счете, неосознанности, сюжетной линии мифа).

Иными словами, если, применяя системный подход к мифу, мы работаем исключительно с тем, что сам респондент относит к порядку мифологического; и, пока сам рассказчик не назовет что-либо мифом или священной историей, мы не можем брать на себя смелость относиться к содержанию рассказа как к потенциально наполненному мифами. В случае же с ситуационным подходом относиться к содержанию рассказов можно, определяя что-то как, например, «общий гипертекст интервью», давая свои названия для такого рода гипертекстов: «мы гордимся своей семьей»; «мы выжили, хотя нам было тяжело» и т.п. Однако все эти определения общих гипертекстов выглядят как искусственно сконструированные, демонстрируют стремление к систематизации, классификации, фактически оказываются возвратом к системному подходу, так сказать, «на выходе».

Автобиографическая память: между индивидуальным и социальным

Как правило, и в случае с осознанным мифом, и в случае с мифологемами, транслируемыми неосознанно, мы встречаемся с прошлым, присутствующем в настоящем. Т. е. память о прошлом оказывается существенным фактором, влияющим на содержание и форму мифологических проявлений. В связи с этим обстоятельством, возможно, лучше понять принцип деления мифов на оформленные и осознанные, с одной стороны, и проявляющиеся, творимые (конструируемые) или даже неосознанные, с другой стороны даст обращение к работам специалистов

по автобиографической памяти, в которых, в частности, мы можем также встретить примерно такое же двухчастное деление. Так, Б. Росс фиксирует широкое и узкое понимание автобиографической памяти [17]. В узком смысле автобиографическая память – это только осознаваемая часть содержаний, которые открываются в вербальном автобиографическом отчете. В широком смысле в автобиографическую память должны включаться и содержания, находящиеся вне актуально осознаваемой индивидом сферы. Факт их существования выявляется косвенными методами, в числе которых автор называет символические замещения, навязчивые действия и неадекватные эмоциональные отклики на ситуации, возникающие произвольно [7, с. 55].

Рассмотрение повседневной семейной мифологии в контексте социальной мифологии или автобиографической памяти, делает актуальным обращение к так называемым индивидуальным мифам. Ведь, в конечном счете, мы имеем дело с рассказом отдельного человека, самостоятельно определяющего для себя и – далее – для интервьюера совокупность наиболее значимых семейных историй, которые можно либо автоматически (раз они имеют значимость для рассказчика) относить к мифологическим, либо использовать как своеобразное поле для поиска очевидных мифоисторий.

Стоит далее заметить, что само понятие «индивидуальный миф» оказывается довольно спорным, так как бытие индивидуальных мифов в отрыве от социального не очевидно; или индивидуальное и коллективное в мифе так тесно переплетены, что выделить что-то «в чистом виде» практически невозможно.

С одной стороны, отмечается следующее: «Независимо от того, концептуализируется ли биографический нарратив в понятиях эпифании или в понятиях нарративного повествования, все сводится к единой позиции: каждый частный жизненный случай может быть понят только при условии рассмотрения его в рамках социального (публичного) нарратива. Индивидуальные мифы не могут существовать отдельно от мифов неформальных групп (например, семьи) или более формализованных (например, СМИ)» [9, с. 12]. В своей автобиографической работе известный американский антрополог К. Гирц фактически подтверждает факт влияния на отдельного человека событий, происходящих на социетальном уровне: «Нашумевшие события современной истории, которые определяют происходящее сегодня, редко появляются в антропологических описаниях, посвященных, как считается, более глубоким и более долговечным вещам. Но от них все труднее держаться в стороне – особенно сейчас, когда мир стал настолько взаимосвязанным» [2, с. 137].

С другой стороны, мифы, являющиеся источниками подъема современного национализма (воспоминания о «золотом времени» и «родине предков») как и мифы вообще «...не могут рассматриваться как существующие только на общем социетальном уровне (на уровне институ-

тов и общества в целом). Национализм может принимать более скрытые, повседневные формы как представления и образцы, которые существуют на уровне рутинной повседневности и одобряемых обыденных образцов поведения. Это, возможно, самые сильные мифы, поскольку они используются при описании и понимании повседневности» [9, с. 13].

Отмечая эту двойственность индивидуальных мифов, Б. Робертс тем не менее дает им определение: «Индивидуальные мифы придают форму и упорядочивают многочисленные события повседневности. Мифы о своей жизни, которые мы рассказываем себе и другим, создают обрамление и придают упорядоченность прошлому и являются руководством для настоящего и будущего» [9, с. 11].

Зафиксировать индивидуальные мифы, конечно, проще при знакомстве с семейными историями. Рассказанная история жизни человека, как правило, представляет собой смешение истории его семьи и его собственной жизни. Кроме того, по мнению П. Томпсона, при этом возникает ощущение, что за историями «...стоит история всего общества...» [11, с. 111]. Далее: «Эту историю можно в равной степени прочесть и как рассказ о реальных событиях, и как миф. В ней соединяются непосредственное свидетельство очевидца и коллективная память о прошлом; в результате такого слияния человек выстраивает свою индивидуальную автобиографию, определяет себя как личность» [11, с. 112].

Индивидуальные, семейные, социальные мифы постоянно взаимодействуют друг в друга, формируя специфический как повседневный, так и социальный мифоландшафт. Концепт «мифоландшафт» был предложен Д. Беллом: «Сложное взаимопроникновение мифа и органической памяти (воспоминаний) наилучшим образом могут быть сформулированы в контексте (и в отношении) “национального мифоландшафта”. Такой мифоландшафт может быть понят как дискурсивная сфера, образованная с помощью и посредством временных и пространственных измерений, в которых мифы нации постоянно формируются, передаются, реконструируются и обсуждаются. Темпоральное измерение обозначает исторический промежуток, повествование о прошедших годах, и это повествование, скорее всего, будет включать в себя, в частности, историю происхождения нации и последующих важных событий и героических фигур» [13, р. 75–76]. На наш взгляд, также существует семейный мифоландшафт, формирующийся в пространстве повседневности, включающий наиболее значимые и судьбоносные семейные – от трагических до торжественных – события, выкристаллизовывающиеся в постоянных пересказах, передачах друг другу, вырастающих до сюжетов, сравнимых с архетипическими.

От повседневности к семейной мифологии

Но каковы механизмы таких взаимодействий, существуют ли они вообще? В какой момент, например, среди множества этих индиви-

дуальных мифов, облегчающих процесс передачи информации о семейной памяти, возникает семейный миф? Одни авторы [6], утверждая, что сегодня не существует методов и алгоритмов определения семейного мифа, выделяют тем не менее (разделяя точку зрения сторонников психоаналитической концепции мифа) ряд семейных мифологем и несколько типов семейных мифов для диагностики «семейного самосознания». Другие [3] обращают внимание на два образа семьи – внутренний и внешний, полагая, что семейные мифы являются частью «внутреннего образа» семьи, в формировании и сохранении которого участвуют все члены семьи: «Этот “внутренний образ” следует отличать от “внешнего”, социально-ориентированного образа, который семья как группа демонстрирует окружающим. Семейный миф выражает общее мнение о членах семьи и их взаимоотношениях внутри семьи, а также их ролевых позициях» [3, с. 115].

Для того, чтобы ответить, например, на вопрос, является ли миф семьи Казанти «Один за всех и все за одного» (из исследования итальянских специалистов [10]) ориентированным на внутренний или на внешний образ семьи или на то и на другое одновременно, необходимо подходить к каждому мифу, члену семьи, семье, социуму, в котором событие имело место, индивидуально, стремясь уловить смысл мифа, учитывая всю совокупность внутренних и внешних факторов, также и охватывая всю «работу над мифом».

Истории и мифы, с точки зрения П. Белей [14], помогают нам упорядочить представления о семье и интегрировать опыт в стремлении преемственности и связи поколений. В конечном счете, сбор и систематизация таких историй и мифов проливает свет на разворачивающуюся в повседневной жизни семейную мифологию, на повседневную мифологию семейной памяти как часть социальной мифологии. Здесь следует согласиться с Е.А. Петровой, отмечавшей, что история семьи есть совокупность «знаний о членах семьи старших поколений, их жизни и личностных особенностях, а также семейных традициях, правилах, ритуалах, фиксированных в семейной памяти в частично мифологизированной форме, осознанно или неосознанно передаваемых из поколения в поколение как семейный нарратив» [8, с. 154].

Попытки систематизировать семейные мифы предпринимались как зарубежными, так и отечественными специалистами. Но если уже упомянутые итальянские специалисты («миланская группа») давали определения семейным мифам (тот же «Один за всех и все за одного»), основываясь на наблюдениях и экспериментах из своей психиатрической практики, то, например, отечественный исследователь Нестерова А.А. специально разработала опросник «Анализ семейного мифа», ответы на вопросы которого позволили выделить наиболее типичные мифы. К таковым автор отнесла «Миф о вечной любви и неразделимости членов семьи», «Миф о волшебной силе любви», «Миф абсолютной

зации семейных ситуаций», «Миф о злых силах, атакующих семью», «Миф о необходимости жертвовать ради семьи и ее членов», «Миф о постоянстве семейного благополучия» [6, с. 39–41]. Следует заметить, что критерием выделения семейных мифов, по признанию самого автора, была «сопричастность архетипическому содержанию» [6, с. 45], а результаты применения опросника свидетельствуют «об уровне насыщенности мифологемами семейного самосознания» [6, с. 45]. То есть обращение к устойчивым образованиям оказывается продуктивным при классификации семейных мифов.

Однако семейная мифология может быть разной. Так, в последней прижизненной работе известного специалиста по мифам ХХ в. Р. Барта «Camera lucida. Комментарий к фотографии» [1] была сделана своеобразная попытка конструирования семейной мифологии, разворачивающейся, правда, вокруг фигуры матери писателя, олицетворявшей семью для французского исследователя. По прочтении книги Р. Барта напрашивается вывод, что фотография представляет собой уникальное и мифологизированное пространство памяти, дополняющее семейную мифологию целым калейдоскопом сюжетов, разворачивающихся в сферах повседневности; что «...огромную роль в трансляции семейных мифологических установок играют фотографии как визуальные средства констатации очевидных фактов прошлого» [4, с. 25].

В чем же специфика семейной мифологии и ее отличие от повседневной и от социальной мифологии? На наш взгляд, ключевые критерии (во всех мифологиях: в социальной, семейной или повседневной) одни и те же: онтологические – часть и целое, пространство и время, причина и следствие. Различается лишь предмет. Так, например, в семейной мифологии речь идет преимущественно о семейном опыте, который, как правило, включает сферы повседневности (это, судя по собранному нарративным интервью, имеет место почти везде), но также и сферы социального порядка. Причем в тех семьях, члены которых не были причастны к значимым социальным событиям (т. е. в истории семьи отсутствуют моменты, связанные с крупными историческими событиями), мифологизируются повседневные вещи (причем герои, жертвы и другие выделяются так же, но уже на более, так сказать, «низовом» уровне). Разный предмет определяет специфику классификации и по другим критериям. Память – не только набор знаний и ценностей, но и практики труда, быта и досуга, передаваемые из поколения в поколение (праксиологический критерий), а отсюда уже – гносеологический, аксиологический и другие критерии. Соответственно, различаются и мифологии: в семейной мифологии познавательный и ценностный аспекты напрямую зависят от объема полученной информации об истории семьи от тех ли иных членов, от сопутствующих этому оценок. Кроме того, в семейной мифологии именно сферы повседневности выступают в качестве первичных очагов распространения и хранения опыта и информа-

ции. В дальнейшем семейная мифология может охватывать все более широкий спектр проявлений, становясь частью социальной мифологии (следует, например, вспомнить акцию «Бессмертный полк»).

Таким образом, «работа над мифом» пронизывает все уровни бытия индивида, от индивидуального до социетального. Повседневная мифология семейной памяти предстает своеобразным посредником между индивидом и обществом, предлагая уникальные устойчивые семейные мифоландшафты.

Список литературы

1. Барт Р. *Camera lucida*. Комментарий к фотографии; пер. с фр. М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. 192 с.
2. Гирц К. Постфактум. Две страны, четыре десятилетия, один антрополог / пер. с англ. М.: Новое литературное обозрение, 2020. 288 с.
3. Городилина М.В. Диалог с историей своей семьи: зарубежный опыт исследования // Педагогика и психология образования. 2017. № 2. С. 110–119.
4. Иванов А.Г. Конструирование семейной мифологии: «Camera lucida» // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Философия. 2018. № 3. С. 15–26.
5. Иванов А.Г. Система современной социальной мифологии. СПб.: Алетейя, 2019. 182 с.
6. Нестерова А.А. Разработка и валидизация диагностического опросника «Анализ семейного мифа» // Вестник МГОУ. Серия: Психологические науки. 2017. № 1. С. 33–49.
7. Нуркова В.В. Свершенное продолжается: Психология автобиографической памяти личности. М.: Изд-во УРАО, 2000. 320 с.
8. Петрова Е.А. История семьи как ресурс совладающего поведения // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. Серия: Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. 2010. Т. 16, № 3. С. 153–156.
9. Робертс Б. Конструирование индивидуальных мифов; пер. с англ. // Интер. 2004. № 2–3. С. 7–15.
10. Сельвини Палаццоли М., Босколо Л., Чеккин Д., Прата Д. Парадокс и контрпарадокс. Новая модель терапии семьи, вовлеченной в шизофреническое взаимодействие / пер. с итал. М.: Когито-Центр, 2001. 220 с.
11. Томпсон П. Семейный миф, модели поведения и судьба человека // Хрестоматия по устной истории / сост. и пер. с англ. М.В. Лоскутовой. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в СПб., 2003. С. 110–145.
12. Ульяновский А.В. Мифодизайн: коммерческие и социальные мифы. СПб.: Питер, 2005. 544 с.
13. Bell D.S.A. Mythscapes: Memory, Mythology and National Identity // *British Journal of Sociology*. Vol. 54. Issue 1 (March 2003). P. 63–81.

14. Bolea P.S. Transitions to parenthood: a narrative study of intergenerational issues and family identity: PhD diss. Michigan State University, USA, 1996. 113 p.
15. Bottici C.A Philosophy of Political Myth. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. 286 p.
16. Ferreira A.J. Family Myths // Psychiatric Research Reports. 1966. № 20. P. 85–90.
17. Ross B.M. Remembering the Personal Past. Descriptions of Autobiographical Memory. New York; Oxford: Oxford University Press, 1991. 256 p.

«WORK ON MYTH»: THE FAMILY LEVEL

A.G. Ivanov

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Lipetsk Branch, Lipetsk

The article assesses the applicability of the interrelational approach to myth in the perspective of interpretation of narratives nourished by family memory. Everyday mythology of family memory is understood as a special space of actualization of social mythology, which includes the refraction of autobiographical memory, family experience in the spheres of everyday life. It is noted that in the case of family stories, «work on myth» covers all types of myth existence – from individual to societal. To characterize the totality of mythologized representations that are constantly reproduced in family stories and practices, it is proposed to use the term «family mythscape», the configuration of which is specific for each family, but contains stable components.

Keywords: *social mythology, everyday life, interrelational approach, «work on myth», autobiographical memory, family memory, «family mythscape».*

Об авторе:

ИВАНОВ Андрей Геннадиевич – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры государственной, муниципальной службы и менеджмента Липецкого филиала ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ», г. Липецк, Россия. SPIN-код: 4488-6172, e-mail: agivanov2@yandex.ru

Author information:

IVANOV Andrey Gennadievich – PhD (Philosophy), Associate Professor, Professor of the Department of Public, Municipal Service and Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Lipetsk branch, Lipetsk, Russia. E-mail: agivanov2@yandex.ru